

ЧАСТЬ IV
ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЕ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ: СТРАНОВОЙ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

АГФЛЯЦИЯ И РИСКИ СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Евгений Александрович Иванов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Алиса Романовна Шишкина
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Исторически продовольственные кризисы нередко становились причиной политических потрясений. В 1970-е гг. на глобальном уровне были выработаны механизмы борьбы с агфляцией и ее негативными последствиями. Несмотря на эти меры и «зеленую революцию» в сельском хозяйстве, скачки цен на продовольствие в 2007–2008 гг. и 2010–2012 гг. запустили волну политической нестабильности в различных регионах мира и могли сыграть роль одного из триггеров Арабской весны 2011 г. На постсоветском пространстве проявления агфляции и продовольственные кризисы наиболее вероятны в государствах Центральной Азии. Предпосылками к этому служат бурный рост населения в предшествующие десятилетия, сложные климатические условия, дефицит пресной воды, низкое качество администрирования в сельскохозяйственной сфере и зависимость от экспорта продовольствия. Тем не менее

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ни один из скачков цен на продуктовую корзину в регионе не перерастал в масштабный политический протест. Анализ ситуации в Туркменистане в 2014–2018 гг. показывает, что без перехода в острую фазу продовольственный кризис не является достаточно сильным импульсом для дестабилизации жесткого авторитарного режима. Однако такие процессы не проходят бесследно: общество теряет уверенность в том, что власти могут гарантировать ему базовый набор благ. Это ведет к снижению легитимности правящего режима и в перспективе при включении прочих негативных факторов может стать основанием для подрыва всей политической системы.

Агфляция и политическая нестабильность

Судя по этимологии термина *агфляция*, данное понятие происходит из сочетания слов «аграрный» и «инфляция». В академическом лексиконе под *агфляцией* обычно понимается резкий скачок цен на продовольствие, опережающий рост цен на прочие (непродовольственные) товары и услуги.

Парадоксально, но в социальных науках термин *агфляция* используется не так часто, как, например, в работах по экономике. Поисковые запросы в базах научного цитирования *Web of Science* и *Scopus* с использованием релевантных ключевых слов выдают сравнительно небольшое количество статей. Причина в том, что в социальных науках значительно чаще используется словосочетание *продовольственные кризисы*. Частично под это направление подпадают исследования, связанные с агфляционными процессами.

В экономике выделяются два основных типа агфляции. Первый тип – агфляция, возникающая из-за опережающего спроса. Она характерна для развивающихся экономик, стимулирующих потребительский спрос посредством монетарной и фискальной политики, чтобы всячески стимулировать экономический рост.

Второй тип связан с резким сокращением предложения на рынке продовольствия и последующим ростом цен на него. Такое обычно случается в периоды неурожая или при чрезмерном использовании сельскохозяйственных культур в непродовольственных отраслях, например, для производства биотоплива (Silver *et al.* 2018).

Всплеск интереса к изучению агфляции отмечался в период скачка цен на продовольствие в 2007–2008 гг. Тогда же понятие агфляции вошло в широкое употребление, закрепившись прежде всего в публицистической и отчасти в академической среде.

Понимание роли и места агфляции в процессах социально-политической дестабилизации уже давно стало общим местом в политической науке. Поскольку потребность в пище является базовой для человека, голодные бунты, вероятно, одна из ранних форм социально-политического протеста, сохранившаяся до сегодняшнего дня. Кроме того, стоит отметить универсальность данного вида протеста, так как на карте мира практически нет мест, не затронутых продовольственными кризисами и голодными бунтами.

С древних времен сама природа человеческой цивилизации неразрывно связана с обеспечением большого количества людей пропитанием. Отсюда их характерное расселение вдоль рек с широкими весенними разливами и иловым удобрением поймы. Так образовались протогосударства в Египте и Междуречье, в долинах Инда и Ганга, в бассейнах рек Янцзы и Хуанхэ. Продовольственный коллапс грозил любому из этих политических образований дестабилизацией и даже распадом.

Зависимость между продовольственными кризисами и массовыми народными волнениями описывалась многими авторами. Римский поэт Ювеналий, говоря о двух залогах общественного спокойствия, точно подметил: *«Хлеба и зрелищ!»*

Наиболее ранняя из известных попыток сформулировать связь между социально-политической дестабилизацией и продовольственными кризисами языком политической экономии принадлежит Томасу Мальтусу. Он писал: «Когда политические неудовольствия присоединяются к воплям, вызываемым голодом, когда революции производятся народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и всевозможных насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом» (Мальтус 1895: 14).

Таким образом, Мальтус ввел в оборот понимание продовольственных кризисов как движущей первоосновы общественного протеста, над которым надстраивается политическая составляющая.

Голодные бунты и в особенности длительные продовольственные кризисы не только сказывались на легитимности лидера и

устойчивости правящего режима, но и могли коренным образом повлиять на ход развития всей страны.

Пожалуй, каноническим примером является период правления Бориса Годунова, которого многие историки оценивают весьма положительно с точки зрения его лидерских и управленческих качеств. Однако после первых успешных лет правления Годунов столкнулся с продолжительным голодом (1601–1603 гг.), вызванным резким климатическим перепадом и последующими неурожаями. Несмотря на активные меры по борьбе с голодом, из-за роста народного недовольства, вылившегося в местечковый бандитизм и грабежи, царь Борис быстро терял поддержку как среди простых людей, так и среди элиты, часть которой никогда не признавала безродного и властолюбивого правителя.

Последствия Великого голода 1601–1603 гг. в значительной степени повлияли на ход истории Российского государства не только в политическом плане (Смута, интервенция, установление новой правящей династии), но и в социальном, экономическом и демографическом аспектах (резкое сокращение численности, миграция населения из северных районов на юг и в Сибирь).

Современная политическая наука обладает обширным инструментарием по верификации множества наблюдений и интуитивных предположений касательно наличия и характера связи между продовольственными кризисами, в частности агфляцией, и политической нестабильностью.

Глобальному кризису 2007–2008 гг. и предшествовавшей ему первой глобальной агфляционной волне посвящены работы Р. Буша и Дж. Мартиньелло (Bush, Martiniello 2017), М. Беллемаре (Bellemare 2015), Дж. Беразневой и Д. Ли (Berazneva, Lee 2013), П. Пинструпа-Андерсена и С. Шимокавы (Pinstrup-Andersen, Shimokawa 2008). Влиянию второй волны агфляции (2010–2011 гг.) посвящен ряд работ А. Акаева и его коллег (Акаев *et al.* 2011; 2012; Коротаяев, Ходунов и др. 2012). Все они отмечают наличие связи между волатильностью цен на рынке и ростом протестных акций, однако интерпретации оставляют пространство для поиска общих закономерностей и механизмов разворачивания уличных акций.

Отдельное внимание уделено роли агфляции в дестабилизации Ближнего Востока и Северной Африки во время Арабской весны

(Lagi *et al.* 2011; Sternberg 2012; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Коротаев, Малков и др. 2012).

Отечественный опыт осмыслен экономистом Егором Гайдаром. В работе «Гибель империи» он пишет: «Переход от привычного дефицита конца 1970 – начала 1980-х гг. к настоящему кризису продовольственного снабжения в конце 1980-х, неспособность власти обеспечить выполнение обязательств по выделению ресурсов даже в рамках ратционированного распределения были важнейшей экономической причиной утраты доверия общества к режиму и его краха» (Гайдар 2007: 85). Также Гайдар отмечает, что одно из самых драматичных событий послевоенной истории СССР связано как раз с продовольственным кризисом: «...повышение розничных цен нарушало фундаментальный контракт между обществом и властью, сформировавшийся в конце 1950 – начале 1960-х годов, значимость которого была подтверждена трагедией в Новочеркасске в 1962 г.» (Там же: 129).

О прямой связи между колебаниями в производстве продовольствия и уровнем организованного насилия в обществе писали Дж. Вишнат и Х. Бухауг (Wischnath, Buhaug 2014), Х.-Ж. Бринкман и К. Хендрикс (Brinkman, Hendrix 2011).

Доклад М. Арецки и М. Брюкнера (Arezki, Bruckner 2011), сделанный по заказу Международного валютного фонда (МВФ), показывает, что рост мировых цен на продовольствие на 10 % удваивает вероятность социально-политической дестабилизации, тогда как рост на 20 % утраивает такую возможность. Расчеты исследователей основаны на анализе колебаний продовольственных цен и внутригосударственных конфликтов в 120 странах за период 1970–2007 гг.

Природа продовольственных бунтов может быть различна: от роста цен на продовольствие, крупных неурожаев, провалов в продовольственной политике, логистических коллапсов и продовольственных спекуляций до отравления или гниения запасов при ненадлежащем хранении (Sneyd *et al.* 2013).

Некоторые модели подтверждают, что низкий уровень доходов и провал государства в сфере здравоохранения и продовольственного обеспечения в значительно большей степени способствуют началу вооруженного конфликта, чем ВВП на душу населения, годовые темпы роста ВВП, а также отношение экспорта к ВВП. При

этом здравоохранение и продовольственная безопасность играют ключевую роль, особенно в бедных странах (Pinstrip-Andersen, Shimokawa 2008).

Нами был проведен корреляционный анализ между индексом цен на продукты питания на основе данных Всемирного банка (World Bank 2018) и типами социально-политической дестабилизации с использованием индикаторов международной базы *Cross-National Times-Series Database (CNTS)* на глобальном уровне (Banks, Wilson 2018; Wilson 2018). И хотя при расчетах обнаружить сильную положительную связь не удалось, регрессионные модели указывают на то, что индекс цен на продукты питания оказывает значимое положительное влияние как на агрегированный индекс социально-политической дестабилизации в целом, так и на отдельные проявления нестабильности. Среди них можно выделить антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки, партизанские действия и терроризм. Кроме того, в период продовольственных кризисов наблюдается увеличение числа погибших в результате терактов. Следовательно, провалы в сфере продовольственного обеспечения могут привести не только к росту протестной активности, но и к возрастанию уровня насилия, что выводит эту проблему на иной уровень.

Также обнаружилась отрицательная связь с показателем госпереворотов и их попыток, что в целом укладывается в логику политических процессов, поскольку при росте цен сильнее проявляется социальное неравенство. Рост цен на продукты питания затрагивает элиты в значительно меньшей степени и сплачивает правящий класс на фоне общенародного недовольства. Но при глубоких кризисах можно ожидать возникновения партизанских сил и всплеск терроризма, что доказывается расчетами.

В дополнение к вышесказанному индекс цен на продовольствие также положительно влияет на уровень репрессий, и это соотносится с идеей о том, что продовольственный кризис в большинстве случаев усиливает раскол между элитой и гражданами, часть из которых маргинализируется до уровня повстанцев и террористов, на что государство реагирует наращиванием репрессивности.

Обобщая, можно сказать, что продовольственные кризисы были и остаются мощными драйверами прежде всего деструктивных общественных процессов. И хотя в последние десятилетия в боль-

шинстве стран удалось решить проблему устойчивого продовольственного обеспечения и минимизировать политические издержки продовольственных кризисов, две волны агфляции на глобальном уровне в 2007–2008 гг. и в 2010–2012 гг. внесли свой вклад в череду вспышек нестабильности по всему миру, включая Арабскую весну и венесуэльский голод.

Продовольственные кризисы как глобальная проблема

Продовольственные кризисы являются естественными процессами как для всей биосферы, так и для населяющего ее человечества. Периоды голода и сопутствующие кризисы (политические и социальные) случались на протяжении всей истории. Развитие институтов глобального управления и осознание сложности и значимости проблем обеспечения населения Земли продовольствием способствовали продвижению понятия «продовольственная безопасность» и повсеместному внедрению соответствующих концепций как в планетарном масштабе, так и на уровне отдельно взятых государств.

Толчком к инициированию и развитию данных процессов послужила череда зерновых кризисов, случившихся в 1970-е гг. Тогда стал очевиден разрыв между уровнем продовольственного обеспечения в развитых странах, экономиках догоняющего развития и так называемых государствах третьего мира.

Концепт продовольственной безопасности был разработан и предложен Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (*Food and Agriculture Organization – FAO*) и представлен в 1974 г. на Всемирной продовольственной конференции в Риме, где расположен главный офис организации.

Под продовольственной безопасностью FAO понимает возможность для любого человека получить доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, необходимой для нормальной жизнедеятельности.

С середины 2000-х гг. отмечается следующий парадокс: благодаря технологиям урожайность ключевых продовольственных культур возросла, а зависимость от колебаний климата, напротив, снизилась. При этом на мировых продовольственных рынках происходил заметный рост цен, сопоставимый с кризисными неурожайными годами, что отягощает сложную ситуацию в беднейших

странах мира, страдающих как от перенаселения, так и от нехватки продовольствия.

Саммит в Дохе (Катар) в 2001 г. продемонстрировал, что решение продовольственных проблем на глобальном уровне находится в подвешенном состоянии. Ряд развивающихся государств не поддержали концепцию борьбы с голодом в странах третьего мира, основанную на либерализации мировой торговли, выступив с позиций протекционизма в пользу национальных производителей, что ознаменовало отход от продовольственной безопасности к продовольственному суверенитету.

Уже сегодня существуют серьезные опасения, что вся агропродовольственная система планеты не сможет полноценным образом прокормить 9 млрд человек. Тем не менее ученые ищут новые решения, аналогичные «зеленой революции» во второй половине XX в., одним из которых может стать устойчивое развитие (Godfray *et al.* 2010).

В последние десятилетия за счет стран догоняющего развития постоянно рос глобальный средний класс, прежде всего за счет Китая и других «азиатских тигров». Ожидается, что с 2009 по 2020 г. он увеличится еще на два миллиарда человек. Учитывая, что потребление для этой страты в среднем на 50 % выше, чем для бедных, нагрузка на агропродовольственную сферу возрастет в несколько раз.

Кроме того, говоря о продовольственных кризисах будущего, следует учитывать тот факт, что на первый план выйдет не только и не столько количество продуктов питания, потребляемых в расчете на душу населения, но и качество пищи, доступной среднестатистическому жителю Земли.

С целью мониторинга голодных бунтов на глобальном уровне Всемирный банк создал специальное подразделение *Food Riot Radar*. По данным организации, с 2007 по 2014 г. в мире произошло 110 голодных бунтов: 78 из них относятся к первому типу, тогда как второе меньше – 23 – ко второму.

К первому типу голодных бунтов исследователи относят наиболее частую форму протестов, которые происходят в периоды продовольственных кризисов. Основным драйвером здесь выступает продовольственная инфляция, то есть скачок цен на продукты питания. Такие протесты обычно носят антиправительственный характер и могут быть спровоцированы разочарованием действиями

властей по преодолению сложившегося кризиса. В некоторых случаях возможно надстраивание мотивации второго уровня, которая затрагивает вопросы, напрямую не касающиеся продовольствия, а относящиеся к политической и экономической ситуации в целом. Чаще всего протесты первого типа происходили в странах Африки: от Алжира и Марокко до ЮАР и Мадагаскара. Самая тяжелая ситуация в Судане (кризисы в 2008 и 2011 гг.), Зимбабве (кризисы в 2008 и 2015 гг.) и Сомали (кризисы в 2007, 2008, 2011 и 2014 гг.). В Южной Америке пострадали Колумбия (2013 г.) и Перу (2005 г.). В Центральной Америке – Гондурас (2008 г.) и Гаити (2008 и 2012 гг.). В Азии – Индия (2007–2010 гг.), Иран (2012 г.) и Бангладеш (2008 г.). В Европе – Босния и Герцеговина (2014 г.).

Протесты второго типа, напротив, обычно не имеют своей целью оказать давление на правительство или местные власти. Политическая подоплека в них минимальна. Эти протесты вызваны непосредственно проблемами с продовольственным обеспечением, а посему обыкновенно случаются в районах с продуктовыми базами, магазинами или в лагерях для беженцев. Такие голодные бунты возникают как ответ на серьезный дефицит продуктов. Кроме того, эти акции, как ни странно, редко бывают агрессивными, поскольку они привлекают небольшое количество участников.

Примечательно, что протесты второго типа случались в развитых государствах и странах догоняющего развития (см. Рис. 1). В Германии и Франции в подобных бунтах принимали участие беженцы и мигранты, недовольные положением в специальных лагерях. Это указывает на то, что проблему продовольственных кризисов и голодных бунтов следует рассматривать с точки зрения Мир-Системы, поскольку голод в странах третьего мира неизбежно повлечет увеличение миграционной нагрузки на страны первого мира, что уже происходит не только в Европе, но и, к примеру, в США, куда устремились потоки беженцев из Венесуэлы и Гондураса. Отсюда парадоксальные голодные бунты второго типа там, где их по определению быть не должно.

В развивающихся странах протесты будут связаны как с фрустрацией среднего класса, который не сможет удовлетворять возросшие потребности, так и с протестами бедных, которые будут ощущать усиливающееся неравенство, в том числе в сфере потребления.

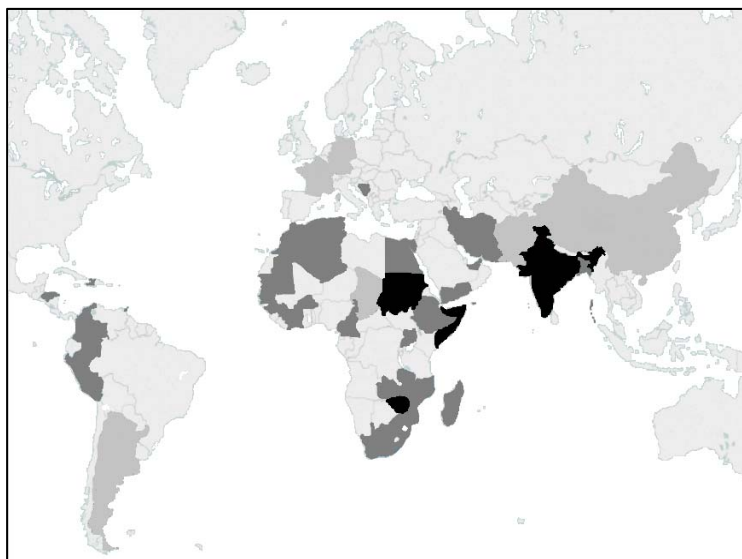

Рис. 1. Карта протестов, вызванных продовольственными кризисами, в период 2007–2015 гг. по данным *Food Riot Radar* (темно-серый – протесты первого типа, светло-серый – протесты второго типа, черный – протесты обоих типов)

Следуя этой логике, важно рассматривать постсоветское пространство как целое, как подсистему глобальной Мир-Системы со своим «Югом» (Центральная Азия), где уже произошли два серьезных кризиса (в Узбекистане в 2007–2008 гг. и Туркменистане в 2014–2018 гг.). Кроме того, в связи с обострением водных конфликтов и ростом числа климатических аномалий можно ожидать нарастания политической напряженности как в странах Центральной Азии, так и на всем постсоветском регионе.

Первая со времен катастрофы начала 1970-х гг. глобальная волна продовольственного кризиса в 2007–2008 гг. затронула более сорока стран мира. Вторым коллапсом планетарного масштаба стала Арабская весна. Безусловно, дестабилизация ситуации на Ближнем Востоке вызвана целым комплексом причин. И хотя рост цен на зерно не был единственным и главным триггером, без анализа этого фактора осмысление Арабской весны как явления было бы неполным.

Помимо Арабской весны можно в качестве примера привести Венесуэлу, где административно-плановая экономика и падение

мировых цен на основной экспортный продукт – нефть – привели к масштабному голоду и массовым антиправительственным демонстрациям, продолжавшимся несколько лет. Несмотря на тяжелые последствия экономического и продовольственного кризиса, а также напор протестующих, правительство во главе с Николасом Мадуро смогло удержать свою власть в стране.

В Таиланде сложилась обратная ситуация. Премьер-министр Йинглак Чиннават, обвиняемая в коррупции, проводила противоречивый курс на выкуп риса у местных фермеров с целью последующей перепродажи на мировых рынках. Однако на фоне падения мировых цен на рис правительство не смогло исполнить свои изначальные обещания. Нераспроданные запасы портились и гнили, что создало искусственный дефицит на фоне общего перенасыщения, а долги правительства перед фермерами выросли до 4,4 млрд долларов.

В Сирии многолетнему гражданскому конфликту между сторонниками режима Башара ал-Асада и оппозицией предшествовала суровая засуха на протяжении нескольких лет подряд (с 2007 по 2010 г.). Череда неурожаев и последующий скачок цен на продовольствие вынудили тысячи крестьянских семей покинуть сельскую местность, что увеличило социальную нагрузку на города, население которых за восемь лет выросло более чем на 50 %.

В 2017 г. был свергнут многолетний зимбабвийский лидер Роберт Мугабе, вытеснявший белых фермеров из страны. К моменту обретения независимости в 1980 г. несколько тысяч европейцев владело двумя третями пахотных земель в стране. До середины 1990-х гг. такая модель работала вполне успешно. Однако на фоне проблем в экономике Мугабе пришлось пойти на популистские меры и уступить черному большинству. Под давлением общества Мугабе начал вытеснять белых земледельцев из Зимбабве, обещая перераспределить земли в пользу африканцев. Это привело к резкому сокращению производства зерна в стране. На момент госпереворота из 13 млн зимбабвийцев более 2 млн голодали.

С 2014–2016 гг. нарастает продолжительный продовольственный кризис в Туркменистане, что возвращает к вопросу о том, возможны ли сегодня продовольственные кризисы на постсоветском пространстве. Туркменский казус показывает, как общие проблемы постсоветских политических систем – зависимость от экспорта моноресурса, низкое качество государственного управления, высокая

доля государства в экономике, повсеместная коррупция и патернализм – ограничивают лидерам данных стран пространство для маневра, повышая вероятность перехода продовольственных кризисов в политические.

За 27 лет с момента распада СССР население постсоветской Центральной Азии увеличилось более чем на 20 млн человек. Несмотря на высокие темпы эмиграции этнических русских и отток активной молодежи в более развитые страны, рост населения в большинстве стран был достаточно заметным. Так, численность населения Узбекистана за данный период выросла на треть, Таджикистана и Туркмении – на четверть, Киргизии – на одну пятую. Все дело в том, что с 1950-х по 1990-е гг. уровень фертильности не опускался ниже 4. И хотя в 1990-е гг. на всем постсоветском пространстве (включая Центральную Азию) произошло очень сильное снижение рождаемости, наблюдающийся до сих пор в некоторых странах региона уровень суммарного коэффициента рождаемости порядка 2,7 ребенка на женщину считается достаточно высоким в современном мире. В результате, согласно прогнозам ООН, к 2030 г. население Центральной Азии превысит 80 млн человек, а к 2045 г. – 90 млн.

Опираясь на данные ООН и ФАО, Себастьян Пейруз констатирует, что «Таджикистан способен обеспечить свои потребности в продовольствии лишь на 31 %, тогда как Киргизстан, Узбекистан и Туркменистан покрывают свои потребности в продовольствии за счет собственных ресурсов приблизительно на 50 %. Особое беспокойство вызывают Таджикистан и Киргизстан: 30 % таджиков и 27 % киргизов испытывают трудности с пропитанием» (Пейруз 2013: 2).

Только за последние 17 лет индекс продовольственных цен вырос в 1,5–2 раза (см. Рис. 2), притом что с экономической точки зрения этот период был одним из самых стабильных и успешных в истории Центральной Азии.

В докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации за 2018 г. указывается, что с 2005 г. количество жителей Центральной Азии, находящихся в зоне риска голода, сократилось с 6 млн человек до 4 млн, тем не менее примерно 8 % населения региона не имеют регулярного доступа к нормальной пище (ФАО 2018: 6).

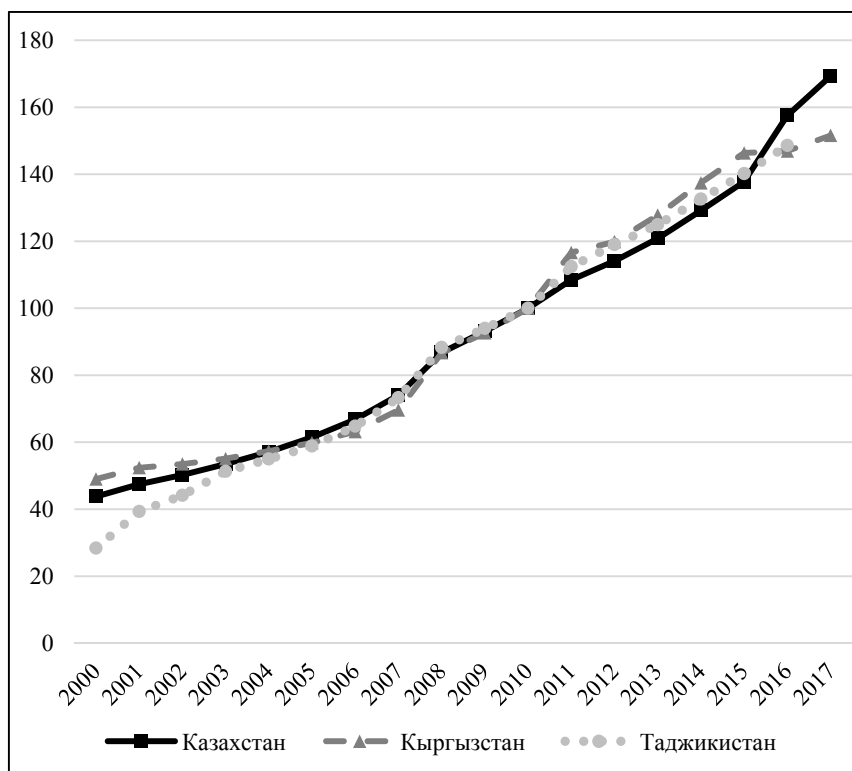

Рис. 2. Динамика индекса продовольственных цен в Казахстане, Киргизии и Таджикистане за период 2000–2017 гг. (100 = уровень 2010 г.)

Источник данных: World Bank 2018.

Продовольственная сфера по-прежнему остается одной из самых уязвимых для региона. На фоне общей стабилизации в 2000-е гг., потребительские рынки государств Центральной Азии крайне чувствительно отреагировали на глобальные кризисы в 2008 и 2011 гг., превысив аналогичные показатели арабских стран (см. Рис. 3), где рост цен на продукты питания стал одним из триггеров Арабской весны. Более того, арабские рынки прошли через нормализацию и вошли в общемировой тренд, тогда как значения потребительской инфляции в Центральной Азии оставались высокими, достигая отдельных пиков (Казахстан в 2016; см. Рис. 3).

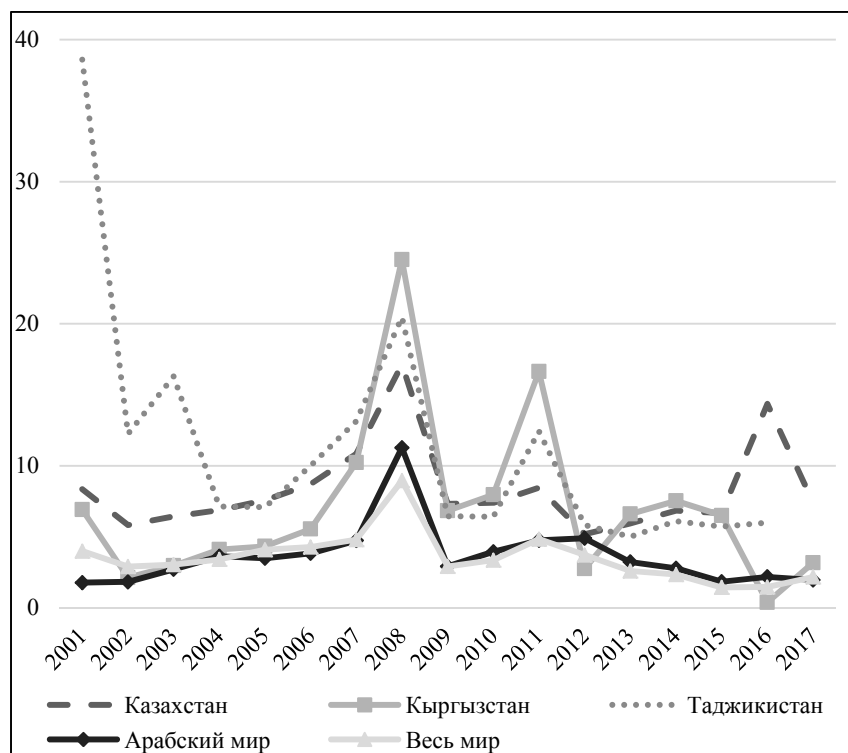

Рис. 3. Динамика потребительской инфляции в странах Центральной Азии, арабском регионе и в мире за период 2001–2017 гг.

Источник данных: World Bank 2018.

При этом в регионе все острее встает проблема доступа к чистой питьевой воде, резко снижается плодородие почв, подверженных эрозии и засолению; все чаще случаются климатические потрясения.

Наиболее засушливая часть Центральной Азии лежит между 45-й и 35-й параллелями северной широты. На этих же широтах находятся пустыня Гоби в Монголии и Китае и Долина Смерти в США, а в южном полушарии – Патагония и Тасмания.

Кроме того, сказывается расположение Центральной Азии в глубине Евразийского материка и удаленность от Мирового океана. К примеру, Узбекистан наряду с Лихтенштейном имеет общую

границу только с государствами без выхода к морю. Поэтому для доступа к водам Мирового океана из Узбекистана необходимо пересечь минимум две государственные границы. В Средиземноморье – на Балканах, Пиренейском и Апеннинском полуострове – климат мягче и благоприятнее для жизни и продуктивного сельского хозяйства.

Тяжелые климатические условия и нехватка пресной воды существенно осложняют сельскохозяйственную деятельность в регионе. К примеру, в Туркменистане и Киргизии производство продуктов питания отстает от общемировых темпов (см. Рис. 4). В особенности это касается Туркмении, полагающейся на импорт продовольствия в обмен на деньги, получаемые от экспорта углеводородов. Однако падение цен на нефть и газ автоматически резко сокращает возможности туркменского бюджета закупать продовольствие за рубежом, провоцируя дефицит на внутреннем рынке.

Рис. 4. Индекс производства продуктов питания для стран Центральной Азии в постсоветский период (100 = уровень 2004–2006 гг.)

Источник данных: World Bank 2018.

Туркменский казус

Самый глубокий и затяжной кризис в продовольственном обеспечении на постсоветском пространстве в новом тысячелетии случился в Туркмении. На уязвимость и неустойчивость туркменской системы продовольственной безопасности указывал *Food Policy Research Institute* (Вашингтон, США), отмечая, что в 1995 и 2015 гг. были предпосылки перехода от дефицита к голоду (*International Food Policy Research Institute 2015*).

Несмотря на непростую ситуацию в стране, было бы неверно характеризовать туркменский казус как голод или масштабный кризис. Наиболее близкая формулировка – продовольственный дефицит, сопровождающийся резким ростом цен на отдельные группы товаров.

Его можно разделить на две фазы. Первая – малый кризис в 2014 г. Тогда ключевую роль сыграло падение цен на углеводороды во второй половине года. В тот период наблюдалось незначительное подорожание ряда импортных продуктов питания, но перебоев с доступом к основным продовольственным товарам не было.

Вторая волна началась на рубеже 2015–2016 гг. и сохранялась до конца 2018 г. В 2017 г. проблемы усугубились в связи с плохим урожаем пшеницы и неготовностью властей предложить адекватные меры по урегулированию ситуации. Напротив, некоторые политические решения лишь усугубили непростое положение в стране.

Среди провалов администрирования можно выделить отдельным пунктом нежелание властей вводить плавающий курс национальной валюты и снять ограничения на максимальный размер конвертируемой суммы денег, из-за чего импортерам продовольствия было невыгодно реализовывать продукцию на внутреннем рынке.

Помимо этого, ввиду внутренних ограничений, согласно которым автомобилям с региональными номерами был запрещен въезд в столицу, доставка продуктов питания из регионов в Ашхабад была затруднена. Власти обосновали такие строгие меры необходимостью обеспечения безопасности во время проведения Азиатских игр. Также в 2017 г. в преддверии международных соревнований в столице Туркмении под предлогом несоблюдения норм хранения продуктов было закрыто несколько десятков частных магазинов. Все это затрудняло покупку продуктов в Ашхабаде и способствовало росту социальной напряженности.

Первые сообщения о перебоях с обеспечением продовольствием в Туркмении стали появляться в конце 2014 – начале 2015 г., что совпало с обвалом курса национальной валюты – нового туркменского маната. Здесь стоит оговориться, что Ашхабад проводит строгую финансовую политику и придерживается фиксированного курса маната, жестко регулируя его изменения. Тем не менее в январе 2015 г. произошло падение государственного курса нацвалюты с 2,85 до 3,5 маната за доллар (Центральный банк Туркменистана 2018).

Показательна динамика колебаний курса маната к российскому рублю. В последние годы в официальных обменниках давали за 1 манат 10–11 рублей. Качественный переход случился уже в первые месяцы 2014 г., когда манат подорожал на 50 копеек. С сентября начался стремительный обвал, достигший своего пика в декабре 2014 г. на отметке 21,3 рубля за манат. Второй пик произошел в январе 2016 г., пробив планку в 23 рубля за манат, после чего курс стабилизировался в коридоре 16–19 рублей за манат.

Связь между курсом рубля и стоимостью барреля на бирже доказана многими экономистами (Кудрин 2006: 8; 2009). И хотя Туркменистан, как и Россия, в значительной степени зависит от экспорта углеводородов, официальный курс маната не испытал существенных колебаний по отношению к доллару и евро в период рублевых флуктуаций.

Иначе дело обстояло на черном рынке валюты. До кризиса 2015 г. теневой рынок доллара был очень небольшим. После обвала цен на углеводороды колебания курса маната к доллару на черном рынке в целом повторяли колебания курса рубля к американской валюте. В мае 2018 г. неофициальный курс доллара достигал отметки 25 манатов, а местами и 30 манатов за доллар, хотя до этого курс держался на отметке 14–15 манатов за доллар. Лишь в октябре-ноябре случился откат к порогу 19–20 манатов за доллар.

По имеющимся данным можно судить о том, что с 2010 по 2016 г. средняя стоимость потребительской корзины в Казахстане, Киргизии и Таджикистане выросла на 57,6 %, 47 % и 48,6 % соответственно. А с 2000 г. потребительская корзина в Казахстане подорожала в 3,9 раза, в Киргизии – в 3,1 раза, а в Таджикистане, где

ситуация выглядит наиболее сложной, – в 5,2 раза** (World Bank 2018).

По Узбекистану и Туркмении аналогичные данные недоступны, хотя по ряду косвенных индикаторов можно предположить, что в Узбекистане продовольственная инфляция сопоставима с показателями Казахстана и Киргизии (см. Рис. 2), тогда как из Туркмении в последние два-три года поступали сообщения о росте цен на отдельные товары на 55 % (Хроники Туркменистана 2018).

Кроме того, потребительская корзина состоит не только из продуктов питания, но также из непродовольственных товаров и услуг, куда входят одежда, лекарства, средства личной гигиены, коммунальные, транспортные и иные виды услуг (Казахстанская правда 1999). Для Казахстана, например, соотношение продовольственной и непродовольственной компонент составляет приблизительно 60 % на 40 % (Юридическая газета 2006).

Ввиду закрытой статистики и регулируемого курса оценить масштабы инфляции в Туркменистане представляется достаточно сложной задачей. По расчетам Стива Ханке из Университета Джона Хопкинса (Балтимор, Мэриленд), за период с января 2017 по май 2018 г. инфляция туркменского маната в годовом выражении приблизилась к 300 %. Тяжелее ситуация только в Венесуэле, валюта которой обесценилась за аналогичный период на 6900 % (Cronicles of Turkmenistan 2018).

Негативно на сельском хозяйстве Туркмении сказывается чрезмерная зависимость от главной водной артерии страны – Амударьи. Река берет начало в высокогорьях Памира. Питание Амударьи преимущественно снеговое и ледниковое, поэтому для Туркменистана важно, чтобы в верховьях реки не создавалось барьеров для стока.

В последние годы на этом направлении наблюдается рост напряженности, поскольку Таджикистан, одно из наименее экономически развитых государств региона, наращивает свои мощности в электроэнергетике как на экспорт, так и для внутреннего потребления. Кроме того, на каскады ГЭС завязано производство алюминия – крайне электроемкого металла. Поэтому вопрос строительства плотин и контроля за сбросом воды является для Душанбе стратегиче-

** Расчет ведется по формуле Ласпейреса, за базовый период выбран 2010 г. – *Прим. авт.*

ски значимым. На сегодняшний день Таджикистан располагает несколькими ГЭС в бассейне Амударьи, прежде всего на реке Вахш.

В ноябре 2018 г. состоялся запуск первого из шести запланированных агрегатов Рогунской ГЭС, что лишь осложняет отношения между Туркменией и Таджикистаном.

Туркменистан – одно из самых закрытых государств мира с жестко выстроенной системой управления, опирающейся на репрессивный аппарат. Поэтому было бы наивно ожидать отражения проблем с продовольственным обеспечением в электоральных процессах. В 2017 г. в Туркменистане состоялись президентские выборы, где действующий глава государства с результатом 97,7 % обошел восемь других кандидатов, выполнявших декоративную роль для внешних наблюдателей. Явка превысила отметку 97 %. В 2018 г. состоялись выборы в парламент страны – Меджлис, в которых при явке 91,7 % успеха добились три партии. Одна из них – Аграрная партия Туркменистана. Это в очередной раз доказывает искусственность таких политических образований, поскольку в развитой демократии в разгар продовольственного дефицита и неурожая проправительственной партии условных аграриев добиться сопоставимых результатов вряд ли бы удалось.

Таким образом, несмотря на продолжительный дефицит продовольствия, туркменскому правительству удалось удержать ситуацию под контролем. Тем не менее экономический и продовольственный кризисы 2014–2018 гг. стали вехой в отходе туркменского государства от принципов всеобщего благоденствия, что подрывает основы политической стабильности в стране. Мировой опыт показывает, что такие события имеют накопительный эффект, а последствия подобного рода кризисов могут сказаться в будущем.

Библиография

- Гайдар Е. Т. 2007. *Гибель империи. Уроки для современной России*. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН.
- Казахстанская правда. 1999. О прожиточном минимуме. Закон Республики Казахстан от 16 ноября 1999 г. № 474-І. *Казахстанская правда* 217. 19 ноября.
- Коротасв А. В., Зинькина Ю. В. 2011а. Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г.: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. Арабская весна 2011 года. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.
- Кудрин А. Л. 2006.** Реальный эффективный курс рубля: проблемы роста. *Вопросы экономики* 10: 4–18.
- Кудрин А. Л. 2009.** Россия и мировой финансовый кризис. *Вопросы экономики* 1: 9–27.
- Мальтус Т. Р. 1895.** *Опыт закона о народонаселении*. Вып. 3. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_juris/maltus/0/j0.html.
- Пейруз С. 2013.** Продовольственная безопасность в Центральной Азии как общественно-политический вызов. *ПОНАРС Евразия* 300: 1–6.
- Хроники Туркменистана. 2018.** Курс доллара на «черном рынке» достиг 25 манатов. *Хроники Туркменистана* 29 мая. URL: <https://www.hronikatm.com/2018/05/kurs-dollar-na-chernom-ryinke-dostig-25-manatov/>.
- Центральный банк Туркменистана. 2018.** Центрального банка Туркменистана Бюллетень курсов валют по результатам торгов на МВБТ. URL: http://www.cbt.tm/kurs/kurs_today_ru.html.
- Юридическая газета. 2006.** Об утверждении Правил расчета величины прожиточного минимума. Совместный приказ Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 2 декабря 2005 года № 307/1-п и Председателя Агентства Республики Казахстан по статистике от 5 декабря 2005 г. № 194. *Юридическая газета* 42–43 (1022–1023).

- Akaev A., Sadovnichii V., Korotayev A. 2011.** Explosive Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis. *Doklady Mathematics* 83(2): 1–4.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. 2012.** On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-economic Crises Forecasts. *The European Physical Journal Special Topics* 205(1): 355–373.
- Arezki M. R., Bruckner M. 2011.** Food Prices and Political Instability. *International Monetary Fund* 3(1): 11–62.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2018.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Bellemare M. F. 2015.** Rising Food Prices, Food Price Volatility, and Social Unrest. *American Journal of Agricultural Economics* 97(1): 1–21.
- Berazneva J., Lee D. R. 2013.** Explaining the African Food Riots of 2007–2008: An Empirical Analysis. *Food Policy* 39: 28–39.
- Brinkman H. J., Hendrix C. S. 2011.** *Food Insecurity and Violent Conflict: Causes, Consequences, and Addressing the Challenges*. Occasional Paper No 24. Rome: World Food Programme.
- Bush R., Martiniello G. 2017.** Food Riots and Protest: Agrarian Modernizations and Structural Crises. *World Development* 91: 193–207.
- Cronicles of Turkmenistan. 2018.** Expert: Annual Inflation Rate in Turkmenistan Reached almost 300 %. *Chronicles of Turkmenistan* June 6. URL: <https://en.hronikatm.com/2018/06/expert-annual-inflation-rate-in-turkmenistan-reached-almost-300/>.
- FAO. 2018.** Publication Regional Overview of Food Security and Nutrition in Europe and Central Asia 2018. Budapest.
- Godfray H. C. J., Beddington J. R., Crute I. R., Haddad L., Lawrence D., Muir J. F., Pretty J., Robinson S., Thomas S. M., Toulmin C. 2010.** Food Security: the Challenge of Feeding 9 Billion People. *Science* 327(5967): 812–818.
- International Food Policy Research Institute. 2015.** Turkmenistan. Country Nutrition Profile. *International Food Policy Research Institute*. URL: <http://ebrary.ifpri.org/utils/getfile/collection/p15738coll2/id/130058/filename/130269.pdf>.
- Lagi M., Bertrand K., Bar-Yam Y. 2011.** The Food Crises and Political Instability in North Africa and the Middle East. *New England Complex Systems Institute* July 19.

- Pinstrup-Andersen P., Shimokawa S. 2008.** Do Poverty and Poor Health and Nutrition Increase the Risk of Armed Conflict Onset? *Food Policy* 33(6): 513–520.
- Silver C., Chen J., Kagan J., Kenton W. 2018.** Agflation. *Investopedia* May 29. URL: <https://www.investopedia.com/terms/a/agflation.asp>.
- Sneyd L. Q., Legwegoh A., Fraser E. D. 2013.** Food Riots: Media Perspectives on the Causes of Food Protest in Africa. *Food Security* 5(4): 485–497.
- Sternberg T. 2012.** Chinese Drought, Bread and the Arab Spring. *Applied Geography* 34: 519–524.
- Wilson K. 2018.** *Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual*. Jerusalem: Databanks International.
- Wischnath G., Buhaug H. 2014.** Rice or Riots: On Food Production and Conflict Severity across India. *Political Geography* 43: 6–15.
- World Bank. 2018.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.